

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ
СЕКУЛЯРИЗАЦИИ
НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**THEORETICAL
UNDERSTANDING
OF SECULARIZATION IN
THE WEST AND RUSSIA:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Д. Ю. Сакович****
ORCID: 0009-0006-2156-5248

* Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета

** Донской государственный технический
университет,
Ростов-на-Дону, Россия

Denis Yu. Sakovich****

* Institute of Sociology and Regional
Studies, Southern Federal University

** Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования состоит в сравнительном анализе теоретических концепций секуляризации в западноевропейских странах и в России, чтобы выявить общие тенденции и специфические характеристики религиозных трансформаций в контексте процесса модернизации.

Методологической базой исследования является историко-сравнительный анализ, который предполагает сопоставление классических и современных теорий секуляризации с эмпирическими процессами, происходящими в западных странах и России. Для проведения анализа были использованы научные публикации, результаты социологических опросов и данные интернет-статистики, включая исследование запросов по религиозной тематике через сервис «Яндекс. Wordstat».

Результаты исследования. Установлено, что классическая теория секуляризации нуждается в переосмыслении. Процессы модернизации не столько ведут к «исчезновению» религии, сколько к трансформации ее социальных функций и институциональ-

Objective of the study is to conduct a comparative analysis of theoretical concepts of secularization in Western European countries and in Russia, in order to identify common trends and specific characteristics of religious transformations within the context of modernization.

Methodological basis of the study. The study is based on a historical-comparative analysis, which involves comparing classical and contemporary theories of secularization with the empirical processes taking place in Western countries and Russia. The analysis draws on scholarly publications, the results of sociological surveys, and internet statistics, including an examination of search queries on religious topics using the «Yandex. Wordstat» service.

Results of the study. We establish that the classical theory of secularization requires reconsideration. Modernization processes do not so much lead to the “disappearance” of religion as to the transformation of its social functions and institutional forms. In Western

ных форм. В западных обществах религия утратила доминирующее положение, преобразовавшись в автономный социальный институт, и ее влияние на публичную сферу уменьшилось. Однако вместо полного отказа от веры наблюдается появление новых форм религиозного выражения, включая индивидуализированные «конструкторы веры» и культурную «заместительную религию», где религиозная идентичность сохраняется формально. Параллельно с этим секуляризация способствовала росту фундаменталистских движений, направленных против секуляризаторов, что свидетельствует о способности религии адаптироваться и возвращаться в общественную жизнь в новых формах.

В России процесс секуляризации носил принудительный характер: в советский период религиозные институты были практически полностью вытеснены из социальной сферы. Тем не менее религиозная вера сохранялась в приватной области, а после распада СССР произошел массовый религиозный подъем. Этот подъем характеризуется сочетанием номинальной массовой религиозности, воспринимаемой как элемент национальной культуры, с активизацией консервативных и фундаменталистских групп.

Сравнительный анализ западных и российских случаев секуляризации демонстрирует, что данный процесс не является универсальным и однонаправленным. В постсекулярном обществе светские и религиозные тенденции сосуществуют, а религия продолжает выполнять значимые мировоззренческие функции, подвергаясь трансформации.

Перспективы исследования связаны с проведением углубленного сравнительного анализа тенденций секуляризации, включающего исследование динамики постсекулярных процессов, индивидуализацию религиозного поведения и воздействие цифровых технологий. Это позволит разработать обновленную теоретическую модель, отражающую трансформации религиозных феноменов в контексте современной модернизации.

societies, religion has lost its dominant position, becoming an autonomous social institution, and its influence on the public sphere has diminished. However, instead of a complete abandonment of faith, there has been the emergence of new forms of religious expression, including individualized “constructors of belief” and a cultural “surrogate religion”, where religious identity is preserved in a formal sense. In parallel, secularization has contributed to the rise of fundamentalist movements aimed against secular values, which demonstrates the capacity of religion to adapt and to return to public life in new forms.

In Russia, the process of secularization was coercive: during the Soviet period, religious institutions were almost completely ousted from the social sphere. Nevertheless, religious faith persisted in the private sphere, and after the collapse of the USSR, a mass religious upsurge occurred. This upsurge is characterized by a combination of nominal mass religiosity, perceived as an element of national culture, and the activism of conservative and fundamentalist groups.

A comparative analysis of Western and Russian cases of secularization demonstrates that this process is not universal or unidirectional. In a post-secular society, secular and religious tendencies coexist, and religion continues to fulfill significant ideological functions, although it undergoes transformation.

Prospects of the study are associated with conducting an in-depth comparative analysis of secularization trends, including the study of post-secular dynamics, the individualization of religious behavior, and the impact of digital technologies. This will make it possible to develop an updated theoretical model that reflects the transformation of religious phenomena in terms of contemporary modernization.

Ключевые слова: секуляризация, постсекулярное общество, религиозность, социология религии, Запад, Россия, сравнительный анализ

Keywords: secularization, post-secular society, religiosity, sociology of religion, the West, Russia, comparative analysis

Введение

В течение длительного периода в научном дискурсе преобладала классическая теория секуляризации, постулирующая закономерное и универсальное снижение институционального и нормативного влияния религиозных систем в результате процессов рационализации, ускоренного технологического прогресса и дифференциации социальных институтов. В рамках модернизационных парадигм середины XX века секуляризация рассматривалась как основной вектор социальной эволюции, связанный с переходом от традиционного к современному обществу.

Эмпирические данные, собранные в конце XX – начале XXI века, зафиксировали противоречивую динамику секуляризационных и десакрализационных процессов. В различных социокультурных контекстах наблюдается феномен ретрадиционализации (Timoshchuk, 2020. С. 150), который характеризуется усилением религиозной идентичности и актуализацией символьских ресурсов веры. Это стимулировало развитие постсекулярных концептуальных подходов (Кырлежев, 2012. С. 52–68), которые подчеркивают нелинейный и вариативный характер секуляризации. Секуляризация больше не рассматривается как линейный и необратимый процесс, а как сценарий, который зависит от исторической специфики, культурных паттернов и политических контекстов¹.

Сравнительный анализ данных трансформаций представляет значительный научный интерес. В западноевропейских социумах религиозность претерпела изменения, главным образом, хотя и с рядом оговорок, через институциональную адаптацию и приватизацию религиозности (*privatization of religiosity*) (Pessi, 2013. С. 16–18), тогда как в российском случае имели место драматические разрывы, включающие период государственной атеизации и последующую ресакрализацию публичного пространства.

Таким образом, анализ процесса секуляризации требует отхода от универсалистских моделей и применения многоуровневых аналитических категорий, таких как религиозный капитал, конкуренция между религиозными и светскими нарративами, а также плюрализация мировоззренческих ориентаций.

При этом анализ разных путей развития секуляризации и десекуляризации показывает, что существующие теории не всегда позволяют объяснить

¹ Кырлежев А. В., Шишкиов А. И. Пост-секулярное в пост-атеистической России. – URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/02/kyrlezhev-shishkov_rus.pdf (дата обращения: 01.07.2025)/

сложные и противоречивые процессы, происходящие в обществе. Современные социологические исследования религиозных процессов сталкиваются с трудностями в описании новых форм религиозности и их существования со светскими практиками. Эта проблема указывает на необходимость поиска новых подходов и категорий для анализа динамики современного религиозного пространства.

Данная статья посвящена теоретическому осмыслению указанных процессов и рассмотрению вопросов трансформации статуса религии в условиях многовекторной секуляризации, а также определению контуров религиозности в постсекулярный период, характеризующийся одновременным существованием светских практик и новых форм сакрального.

Методология и методы

Основой исследования является историко-сравнительный анализ. В исследовании проведен сравнительный анализ классических и современных теорий секуляризации, представленных в трудах М. Вебера, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса П. Бергера, Т. Лукмана, Ч. Тейлора и др. Анализ осуществлялся в контексте сопоставления теоретических концепций с реальными процессами секуляризации в западных странах и России.

В качестве источников информации использовались научные труды (богословские, философские и социологические исследования), а также данные социологических опросов и интернет-статистики. В частности, был проведен анализ частоты поисковых запросов по религиозной тематике с использованием сервиса «Яндекс.Wordstat».

Социокультурная динамика процесса секуляризации: истоки и ключевые концептуальные подходы

Термин «секуляризация» (от латинского *saeculum* – «век», «эпоха», «этот мир») (Петрученко, 2001. С. 496) имеет сложное историко-семантическое происхождение и в различные исторические периоды отражал разнообразные аспекты взаимодействия религии и общества. В первоначальном контексте, характерном для Средневековья, данный термин использовался преимущественно для обозначения процесса перехода клирика или монаха из духовного состояния в светскую жизнь. Эта узкоспециализированная церковноправовая трактовка постепенно трансформировалась: начиная с XVII века под секуляризацией стали понимать юридический процесс изъятия и передачи церковных земель и имущества в светское управление.

К концу XVIII – началу XIX века термин «секуляризация» претерпел значительные изменения и приобрел социально-философское значение. В этот период секуляризация стала обозначать существенное снижение институционального и символического влияния религиозных организаций на различные аспекты общественной жизни, включая образование, культуру и политику. В эпоху Просвещения секуляризация трансформировалась в иде-

ологический проект, рассматриваемый как необходимое условие перехода к рациональному и прогрессивному социуму. Сторонники просветительской мысли утверждали, что освобождение от «религиозных предрассудков» является предпосылкой для модернизации и прогресса общества. В то же время представители церковных кругов воспринимали секуляризацию как угрозу традиционным основам социальной структуры и ценностям коллективной идентичности.

Процессы Реформации и Французской революции существенно ослабили доминирующее положение церкви в общественно-политической сфере, создав прецеденты радикальной дезинтеграции сакральных институтов. Философская система Г. В. Ф. Гегеля и позитивистские идеи О. Конта способствовали утверждению представления об историческом развитии как о поступательном, линейном движении, которое может быть интерпретировано либо как эволюция абсолютного духа (Гегель, 1975. С. 207–208) либо как последовательные стадии развития человеческого знания (Конт, 2003. С. 21–23). Эта эволюционная модель подразумевала неизбежное отеснение религиозных форм сознания и практик на периферийные позиции в социальной структуре.

Важный этап в процессе институционализации теории секуляризации связан с исследованиями К. Маркса, который, опирался на переосмысленный в материалистическом ключе диалектический метод Г. В. Ф. Гегеля (Маркс, Энгельс, 1960. С. 21–22). Марксистская интерпретация рассматривает религию как элемент идеологической надстройки, непосредственно обусловленный экономическим базисом общества. Согласно марксистской парадигме, религия рассматривается как исторический феномен, обреченный на исчезновение вследствие преодоления эксплуатации и социального отчуждения в процессе перехода к коммунистическому обществу.

В конце XIX – начале XX века в рамках социологического изучения религии были разработаны концептуальные основы, которые позволили рассматривать религию не только как атрибут архаичных обществ, но и как значимый социальный феномен с интегративными функциями. Э. Дюркгейм, один из основоположников социологии религии, определял основную роль религиозных институтов в обеспечении социальной солидарности и воспроизводстве коллективных представлений. Он рассматривал культ как символическую форму «поклонения общества самому себе» (Дюркгейм, 2018. С. 96–97). Э. Дюркгейм предполагал, что по мере эволюции общества религиозные верования и практики утратят свою мистическую и догматическую природу, а их интегративные функции будут переданы светским идеологиям и гражданским культурам.

Ф. Тённис поддерживал концепцию, согласно которой в традиционных общинах религиозный компонент выполнял функцию основополагающего интегративного элемента. Однако в процессе трансформации к индустри-

альным социумам и рационализации социальных взаимодействий его роль начинает замещаться прагматическими установками и секулярными регуляторами (Тённис, 2002. С. 10).

М. Вебер в своей фундаментальной работе «Протестантская этика и дух капитализма» продемонстрировал, что аскетические принципы протестантизма оказали определяющее воздействие на формирование капиталистической рациональности, что, в свою очередь, способствовало секуляризации сознания и развитию светских моделей поведения. Его анализ выявил парадоксальную взаимосвязь между религиозной этикой и последующей рационализацией, включая процесс секуляризации всех аспектов социальной жизни (Вебер, 2017).

К середине XX века в ряде индустриально развитых государств отмечалась устойчивая тенденция к снижению уровня институциональной религиозности. Это проявлялось в уменьшении числа посещающих религиозные учреждения, снижении вовлеченности молодежи в религиозные практики и росте атеистических и агностических настроений. В некоторых странах официальная идеология приобретала светский, а в отдельных случаях атеистический характер.

Параллельно с этим усиливался интерес к изучению религии как специфического социального института. Формировались специализированные научные общества, занимающиеся социологией религии, развивались новые дисциплинарные подходы. Теологи и философы предпринимали попытки переосмыслиния феномена веры в контексте современности, характеризующейся снижением религиозной активности.

Российский исследователь Д. А. Узланер указывает, что в конце XIX – начале XX века сформировалась специфическая дисциплина, известная как «религиозная социология». Данная область научного знания была направлена на изучение функционирования религиозных общин и анализ трансформации религиозного сознания под влиянием процессов секуляризации (Узланер, 2019. С. 35). Однако вплоть до 1960-х годов в академической среде доминировала концепция, предполагающая неизбежную утрату религией своего общественного значения и рассматривавшая секуляризацию как однонаправленный и необратимый процесс исторического развития.

Постсекулярный поворот: пересмотр классической теории секулярности

В 1960-е годы эмпирические данные заставили пересмотреть догму о «смерти религии». С одной стороны, в ряде европейских стран наблюдалось значительное снижение уровня религиозности. Однако одновременно в различных регионах мира происходила масштабная «религиозная контрреволюция», проявлявшаяся в виде роста евангелического фундаментализма в Соединенных Штатах Америки, Исламской революции 1979 года в Иране, увеличения численности нетрадицион-

ных религиозных движений и усиления религиозного влияния в странах глобального Юга. Эти события потребовали пересмотра ранее разработанных теоретических моделей. Социологи Л. Шайнер и Д. Мартин уже в 1960-х годах указали на идеологическую обусловленность классических теорий и предложили рассматривать процесс секуляризации как многогранное явление, включающее дифференциацию, десакрализацию и трансформацию религиозных практик (Узланер, 2019. С. 56). Их исследования заложили основы постсекулярного подхода, признающего параллельное сосуществование светских и религиозных тенденций в современном обществе.

В западных обществах процесс секуляризации проявился через институциональное разделение церкви и государства, что привело к уменьшению влияния религиозных институтов на публичную сферу, превратившись в один из специализированных. Несмотря на это, религия сохранила статус специализированного социального института, утратив, однако, монополию на истину и значительное влияние на образовательные, экономические и политические процессы (Узланер, 2019. С. 56) (дифференциация по Т. Парсонсу) (Парсонс, 1998. С. 45). В результате данного процесса сформировался религиозный плюрализм, что привело к возникновению межконфессиональных инициатив, включая создание Всемирного совета церквей в 1948 году¹. Внутри данного контекста наблюдается феномен индивидуализированной религиозности, который можно охарактеризовать как номинальную или «скандинавскую» религиозную идентичность. В данном контексте церковь воспринимается скорее как культурный символ, нежели как активный социальный институт (Тейлор, 2020. С. 22). Г. Дэви описывает данный феномен как «заместительную религию», где религиозная практика осуществляется активным меньшинством, в то время как пассивное большинство сохраняет символическую привязанность (Davie, 1945. Р. 69–70).

Концепции «брюколажа» К. Леви-Страсса и постмодернистской эклектики Ж. Дерриды дополняют данную картину, указывая на формирование личного и стихийного «конструктора» убеждений (Деррида, 2000. С. 360). Таким образом, в западном постсекулярном обществе религия трансформируется от институциональной формы к индивидуальному духовному поиску и культурной идентичности.

Параллельно наблюдается усиление религиозного фундаментализма как реакции на процессы девальвации традиционных религиозных институтов. В Соединенных Штатах Америки фундаменталистские тенденции сформировались еще в 1920-х годах, однако в конце XX века они значительно усилились на фоне либерализации теологических концепций. Исламская революция в Иране и радикальные исламские движения, такие как афганский джи-

¹ Сперанская Е. С. Православная энциклопедия. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/155520> (дата обращения: 03.07.2025).

хад и террористические акты, демонстрируют, что религиозное возрождение обладает потенциалом для противодействия секуляризации и закрепления теократических структур.

Научные исследования подтверждают, что конфессиональный консерватизм укрепляется как в христианской, так и в индуистской традициях. Теория также претерпела значительные трансформации, что иллюстрируется работами П. Бергера. В 1990-х годах он отказался от своей предыдущей гипотезы о «религиозной гибели» и выдвинул новое утверждение: «Современный мир, с некоторыми исключениями, ...настолько же... религиозен, как и когда-либо, а в некоторых местах даже больше, чем когда-либо» (Berger, 1999. P. 2).

Таким образом, постсекулярный подход подрывает традиционную линейную модель модернизации: религия не только не исчезла, но и трансформировалась, утратив свою исключительную монополию на публичное пространство и став объектом индивидуального выбора и массового плюрализма, а также источником радикального фундаментализма. Этот сдвиг требует пересмотра теоретических концепций, отражающих более сложное взаимодействие религиозных и светских элементов в обществе.

Трансформация процесса секуляризации в Российской Федерации и эмпирическая верификация гипотезы на основе анализа интернет-интересов

Историческая динамика секуляризации в России имеет значительные отличия от западной модели. В Западной Европе процессы секуляризации были обусловлены трансформацией религиозной культуры в ходе Реформации и Просвещения. В России же коренной перелом произошел в результате революционных и политических потрясений XX века.

В начале 1917 года Русская православная церковь планировала провести масштабные реформы, включая восстановление патриаршества и модернизацию богослужебной практики. Однако эти планы были сорваны революционными событиями (Митрофанов, 2002).

В последующие десятилетия Советский Союз инициировал политику принудительной секуляризации. Религия была вытеснена из общественной жизни посредством пропаганды научного атеизма и репрессивных мер. К 1930-м годам большинство храмов было закрыто, священнослужители подвергались преследованиям, а религиозное образование и проповедь были фактически запрещены¹.

К началу 1960-х годов СССР фактически стал «пострелигиозным» обществом, характеризующимся минимальной долей граждан, активно исповедующих религиозные убеждения.

¹ Кырлежев А. В., Шишкиов А. И. Пост-секулярное в пост-атеистической России. – URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/02/kyrlezhev-shishkov_rus.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

Тем не менее религиозные верования не были полностью искоренены. Значительная часть населения сохраняла свои религиозные убеждения в условиях подпольного существования: функционировали тайные общины, действовали нелегальные священнослужители, а в отдаленных районах продолжали работать религиозные учреждения, что способствовало сохранению духовных традиций. В семьях передавались обрядовые и культурные практики, обеспечивая преемственность религиозной памяти.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов произошло крушение атеистической модели, что привело к масштабному религиозному возрождению. В этот период были открыты сотни храмов и монастырей, миллионы человек приняли крещение, и религиозная практика вновь стала значимой частью общественной жизни. Впоследствии темпы снижения уровня религиозности стабилизировались, однако подавляющее большинство граждан Российской Федерации продолжают идентифицировать себя как православных. Тем не менее данная религиозная самоидентификация носит преимущественно культурный характер: посещение церкви носит эпизодический характер, чаще в праздничные дни или в рамках семейных мероприятий, что указывает на более номинальный и «заместительный» тип религиозной самоидентификации (Тейлор, 2020. С. 23).

В постсоветский период в православном сообществе наблюдается значительное расслоение мнений. С одной стороны, формируются обновленческие инициативы, такие как деятельность Преображенского братства под руководством протоиерея Георгия Кочеткова, которые направлены на введение богослужений на русском языке и расширение участия мирян в церковной жизни. Эти инициативы вызвали резкую критику со стороны консервативных элементов, что проявилось даже в организации «народного суда» против епископа, проводившего богослужения на русском языке.

С другой стороны, развиваются фундаменталистско-традиционистские проекты, такие как «Царьград», которые акцентируют внимание на национальной идентичности и используют монархически-православную риторику. Эти проекты находят широкую поддержку среди аудитории.

Таким образом, современная Российская Федерация демонстрирует признаки постсекулярного общества. Светские институты сохраняют свою автономию, однако религиозные верования и практики продолжают играть существенную роль в процессах культурной самоидентификации и формирования ценностных ориентиров населения. Внутри православного сообщества наблюдается активный процесс поиска баланса между традиционными религиозными нормами и современными вызовами, что приводит к возникновению конфликтных дискурсов и трансформации внутренней структуры религиозной жизни.

В условиях современной постсекулярной социокультурной конфигурации значительный исследовательский интерес представляет анализ функционирования траурных обрядов в структуре религиозного поведения. Рассматривая трансформацию религиозности в современных западных обществах, Чарльз Тейлор отмечает, что для большинства индивидов принадлежность к христианской конфессии редуцируется до уровня символической самоидентификации, которая проявляется преимущественно в контексте социологических опросов и повседневных взаимодействий. В то же время непосредственное участие в церковных таинствах, таких как крещение и венчание, постепенно теряет регулярность (Тейлор, 2020. С. 25). В отличие от этого, устойчивый интерес к обрядам поминования усопших, включая отпевание, панихиду и другие заупокойные богослужения, сохраняется. Данный сдвиг свидетельствует об изменении структуры религиозной практики, при котором заупокойные ритуалы приобретают ключевую роль в поддержании связи с религиозной традицией в условиях ослабления других институционализированных форм религиозности.

Это позволяет предположить, что в условиях номинальной религиозности траурные обряды могут сохранять высокую значимость и актуальность.

Для эмпирической проверки данной гипотезы был проведен анализ интернет-интересов россиян. В период с 1 июня по 1 июля 2025 года были собраны данные из сервиса Yandex.Wordstat по трем категориям: крещение, венчание и обряды по усопшим, включая «отпевание» и «панихиду». Каждая категория прошла процедуру семантической классификации, агрегирования и вычисления относительных долей запросов. Результаты исследования представлены в виде таблицы 1.

В рамках эмпирического исследования была применена многоступенчатая методика, включающая следующие этапы: сбор и агрегация поисковых запросов, их тематическая классификация, количественный анализ и расчет относительных долей для каждой выделенной категории и уточняющих формулировок. Полученные данные были визуализированы с использованием таблицы, что обеспечило их наглядность и структурную интерпретируемость.

Анализ показал, что доля запросов, связанных с траурными обрядами, составляет примерно 11 % от общего объема религиозной поисковой активности. Интерес к крещению достигает порядка 69 %, а к венчанию около 21 %. Таким образом, первоначальная гипотеза о доминирующей роли заупокойных практик не нашла эмпирического подтверждения.

Таблица 1

Структура интернет-запросов по религиозным обрядам в России (по данным Yandex. Wordstat, июнь-июль 2025 г.)¹

Основная категория	Запрос	Кол-во	Сумма всех запросов	% от категории	% от общего
Обряд крещения	Крещение	527 947	727 185	72,6	49,8
	Крещение ребенка	84 749		11,7	8
	Суть крещения	24 331		3,3	2,3
	Крещение в церкви	23 695		3,3	2,2
	Церковное крещение	19 811		2,7	1,9
	Крещение девочки	17 234		2,4	1,6
	Крещение мальчика	15 014		2,1	1,4
	Покрестить ребёнка	15 013		2,1	1,4
	Крещение взрослого	6 891		0,9	0,6
	ИТОГ ПО КАТЕГОРИИ	-		100	68,6
Обряд венчания	Венчание	184 598	218 225	84,6	17,4
	Венчание в церкви	26 498		12,1	2,5
	Повенчаться	5 521		2,5	0,5
	Можно повенчаться без регистрации брака?	299		0,14	0,03
	Можно ли повенчаться без брака?	282		0,13	0,03
	Повенчаться без запса?	268		0,12	0,03
	Можно ли повенчаться без регистрации?	265		0,12	0,03
	Можно повенчаться без запса?	261		0,12	0,02
	Что нужно чтобы повенчаться?	233		0,11	0,02
	ИТОГ ПО КАТЕГОРИИ	-		100	20,6
Обряды по усопшим	Панихида	60 769	114 049	53,3	5,7
	Отпевание	39 747		34,9	3,8
	Отпевание в церкви	8 109		7,1	0,8
	Панихида по усопшим	7 268		6,4	0,7
	Отпевание в храме	1 402		1,2	0,13
	Отпевание усопшего в церкви	1 282		1,1	0,12
	Отпевание человека	1 129		1	0,11
	Похороны опевание	1 193		1	0,11
	Отпевание усопшего	418		0,4	0,04
	ИТОГ ПО КАТЕГОРИИ	-		100	10,8
Общий ИТОГ		-	1 059 459	100	100

¹ Источник: данные сервиса Yandex. Wordstat; авторская разработка на основании собственных вычислений и классификации.

Заключение

Анализ полученных эмпирических данных свидетельствует о том, что в современном российском обществе религия сохраняет преимущественно социокультурный и идентификационный характер. Практика религиозных ритуалов, особенно в траурных контекстах, носит эпизодический и ситуативный характер, что указывает на номинальность религиозной принадлежности и ее функционирование преимущественно как элемента коллективной идентичности, а не как проявления глубокой духовной вовлеченности.

Современное российское общество демонстрирует черты постсекулярности, которые характеризуются параллельным сосуществованием и взаимодействием светских и религиозных элементов. Несмотря на преимущественно светский характер государственных и общественных институтов, религия продолжает играть значительную роль в процессах культурной самоидентификации, формировании ценностных ориентаций и социальных норм. Внутри религиозного сообщества наблюдается поиск баланса между традиционными установками и необходимостью адаптации к современным вызовам, что стимулирует интенсивные внутренние дискуссии и трансформацию религиозной жизни.

Список источников

Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. – 4-е изд. / М. Вебер; сост. Ю. Н. Давыдов. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с. – (Серия «Книга света»). – ISBN 978-5-98712-801-5.

Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2 т. Т. 1. – Москва: Мысль, 1975. – 532 с.

Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. – 432 с. – ISBN 5-7331-0181-4.

Дюrkгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюrkгейм. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с. – ISBN 978-5-7749-1370-1.

Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / О. Конт. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 256 с. – ISBN 5-222-03417-8.

Кырлежев А. В. Постсекулярная концептуализация религии / А. В. Кырлежев // Государство, религия, Церковь в России и за ру-

References

Weber M. Selected Works. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. 4th ed. Compiled by Yu. N. Davydov. *Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ = Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives*. 2017; 656 p. Book of Light Series. ISBN 978-5-98712-801-5. (In Russ.)

Hegel G. V. F. Philosophy of Religion. In 2 volumes. Vol. 1. *Moskva: Mysl' = Moscow: Thought*. 1975; 532 p. (In Russ.)

Derrida J. Writing and Difference. *Sankt-Peterburg: Akademicheskiy proyekt = St. Petersburg: Academic project*. 2000; 432 p. ISBN: 5-7331-0181-4. (In Russ.)

Durkheim E. Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia. *Moskva: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhGS = Moscow: Delo Publishing House RANEPA*. 2018; 736 p. ISBN: 978-5-7749-1370-1. (In Russ.)

Kont O. The Spirit of Positive Philosophy (A Word on Positive Thinking). *Rostov-na-Donu: Feniks = Rostov-on-Don: Phoenix*. 2003; 256 p. ISBN: 5-222-03417-8. (In Russ.)

бежом. – 2012. – Т. 30, № 2. – С. 52–68. – EDN
PIHQFD.

Маркс К., Энгельс Ф. Капитал: Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 т. – Т. 23. – Москва: Политиздат, 1960. – С. 15–784.

Митрофанов Г. История Русской Православной Церкви: 1900–1927 / Г. Митрофанов. – Москва: Сатисъ, 2002. – 550 с. – ISBN 5-7373-0262-8.

Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва: Аспект Пресс, 1998. – 270 с. – ISBN 5-7567-0225-3.

Петрученко О. Латинско-русский словарь / О. Петрученко. – Санкт-Петербург: Лань, 2001. – 816 с. – ISBN 5-8114-0144-X.

Тейлор Ч. Новый духовный ландшафт: религиозное сознание в постсекулярном обществе / Ч. Тейлор // Религиозное сознание в постсекулярном обществе / под. ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко (Серия «Современное богословие»). – Москва: ББИ, 2020. – 186 с. – ISBN 978-5-89647-382-4.

Тённис Ф. Общность и общество / Ф. Тённис. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. – 451 с. – ISBN: 5-93615-020-8 (в пер.).

Узланер Д. А. Конец религии? История теории секуляризации / Д. А. Узланер. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 240 с. – ISBN 978-5-7598-1963-9 (в пер.). – ISBN 978-5-7598-2016-1 (e-book).

Berger P. L. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / P. L. Berger. – Washington, D. C.: Ethics and Public Policy Center; Grand Rapids, Mich.: W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999. – VIII, 135 p.

Davie G. Religion in Britain since 1945: believing without belonging / G. Davie. – Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell, 2000. – XIII, 226 p.

Pessi A. B. Privatized religiosity revisited: Building an authenticity model of individual-church relations / A. B. Pessi // Social Compass. – 2013. – Vol. 60, № 1. – P. 3–21.

Kyrlezhev A. V. Post-Secular Conceptualization of Religion. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion, and Church in Russia and Abroad*. 2012; 30 (2): 52–68. (In Russ.)

Marx K., Engels F. Capital: Critique of Political Economy. Marx K., Engels F. Works in 50 volumes. Vol. 23. *Moskva: Politizdat = Moscow: Politizdat*. 1960; 15-784. (In Russ.)

Mitrofanov G. History of the Russian Orthodox Church: 1900-1927. *Moskva: Satis' = Moscow: Satis*. 2002; 550 p. ISBN 5-7373-0262-8. (In Russ.)

Parsons T. The system of modern societies. *Moskva: Aspekt Press = Moscow: Aspect Press*. 1998; 270 p. ISBN 5-7567-0225-3. (In Russ.)

Petruchenko O. Latin-Russian dictionary. *Sankt-Peterburg: Lan' = St. Petersburg: Lan' Publishing House*. 2001; 816 p. ISBN 5-8114-0144-X. (In Russ.)

Taylor C. The New Spiritual Landscape: Religious Consciousness in a Post-Secular Society. Religious Consciousness in a Post-Secular Society Ed. by Alexey Bodrov and Mikhail Tolstoluzhenko (Series “Modern Theology”). *Moskva: BTI = Moscow: BTI*. 2020; 186 p. ISBN 978-5-89647-382-4. (In Russ.)

Tönnies F. Community and Society. Trans. *Sankt-Peterburg: Vladimir Dal' = St. Petersburg: Vladimir Dahl*. 2002; 451 p. ISBN 5-93615-020-8. (In Russ.)

Uzlaner D. A. The End of Religion? A History of the Theory of Secularization. *Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki = Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics*. 2019; 240 p. ISBN 978-5-7598-1963-9 (translated). ISBN 978-5-7598-2016-1 (e-book). (In Russ.)

Berger P. L. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. *Washington, D. C.: Ethics and Public Policy Center; Grand Rapids, Mich.: W. B. Eerdmans Pub. Co.* 1999; VIII. 135 p.

Davie G. Religion in Britain since 1945: believing without belonging. Oxford;

Timoshchuk E. A. Peter Berger and his sociocultural-phenomenological research / E. A. Timoshchuk // *Intelligence. Innovations. Investments.* – 2020. – No. 5. – P. 146–151.

Cambridge, Mass.: Blackwell, 2000; XIII. 226 p.

Pessi A. B. Privatized religiosity revisited: Building an authenticity model of individual-church relations. *Social Compass.* 2013; 60 (1): 3-21.

Timoshchuk E. A. Peter Berger and his sociocultural-phenomenological research. *Intelligence. Innovations. Investments.* 2020; 5: 146-151.

Для цитирования: Сакович Д. Ю. Теоретическое осмысление секуляризации на Западе и в России: сравнительный анализ // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 5 (75). – С. 140–153.

DOI 10.18522/2227-8656.2025.5.10
EDN QLPSBP

История статьи:

Поступила в редакцию – 21.07.2025

Одобрена после рецензирования –
22.09.2025

Принята к публикации – 26.09.2025

Сведения об авторе

Сакович Денис Юрьевич

Аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, преподаватель кафедры «Православная культура и теология» Донского государственного технического университета
SPIN-код: 5696-1832
AuthorID: 1304297
youraise@yandex.ru

Information about author

Denis Yu. Sakovich

Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Lecturer, Department of Orthodox Culture and Theology,
Don State Technical University
youraise@yandex.ru